

Виктор Меркушев

КОНЕЦ ГОДА
•
ФАБЛИО

Виктор Меркушев
Конец года. Фаблио (сборник)

«Знакъ»

2012

Меркушев В. В.

Конец года. Фаблио (сборник) / В. В. Меркушев — «Знакъ»,
2012

ISBN 978-5-91638-033-0

Сборник рассказов, эссе и очерков о великом городе, о его особенностях, традициях, культурных и исторических памятниках. Понять душу города и ощутить ауру его пространства непросто, для этого нужно не просто знать, но и уметь видеть, чувствовать, ощущать.

ISBN 978-5-91638-033-0

© Меркушев В. В., 2012

© Знакъ, 2012

Содержание

Конец года	5
Наяда	6
Море на книжной полке	7
Эхо	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виктор Меркушев

Конец года. Фаблио: рассказы, эссе, очерки

Конец года

Наяда

Она приподнялась над белоснежным кружевом морской пены, и я увидел её так близко, что мог легко разглядеть её блестящие гладкие волосы, из которых упрямый прибой тщетно пытался заплести множество серебристых косичек. Она заметила моё присутствие, слегка повернула лицо и посмотрела на меня из-под своих длинных ресниц, густых и влажных как морская тина. У неё были тёмно-синие глаза, глубокие и волнующие, как море. Губы её, похоже, никогда не знали улыбки, и это придавало всему её облику особенную неповторимость.

– Здравствуй, наяда, – хотелось мне поприветствовать её, но фразы не получилось, поскольку с ней, наверное, никто бы не смог разговаривать на человеческом языке, настолько отличалась она от любых земных незнакомок. Тело наяды вопреки расхожему заблуждению не было покрыто серебристой рыбьей чешуёй, а блестело и играло текучим глянцем и ровным загаром как у обычных девушек юга. Пожалуй, излишним было бы говорить о её необычной красоте, достаточно сказать, что это лицо будет невозможно забыть никогда. Взгляд её пронзал меня насквозь, он проникал всюду, достигая самых заповедных тайников сознания, поросших забвением и от которых давно уже были потеряны все ключи и позабыты все былые заветы.

Это был взгляд стихии, наделённой разумом, чьей воле подчиняешься не по принуждению, а согласно собственному выбору. Взгляд её был подобен солнечной дорожке на морской глади. Точно также как солнечная дорожка струился он из бесконечной голубой дали, растворяясь в душе ощущением причастности к тайнам глубин и бескрайности морского простора. В эти мгновения я словно бы не существовал отдельно от блистающей искромётной волны, дымки гор, осевшей прозрачным ультрамарином на безоблачных окраинах неба, утреннего бриза, наполненного свежим дыханием моря. Я слышал как переговариваются дельфины и растут кораллы, чувствовал как течения пробивают себе дорогу в тёмных толщах тяжёлой воды, наблюдал как превращается обычный песок в драгоценный жемчуг, преображаясь в створках раковин моллюсков. Я был всем, и меня почти не существовало, что по сути одно и то же. Так продолжалось до тех пор, пока наяда не исчезла, не скрылась в кружевах из белой морской пены.

Я ещё долго смотрел на морскую рябь, щедро пропитанную солнцем, смотрел до боли в глазах, но наяда больше не появлялась.

Если бы в тот момент меня спросили кто я и откуда, думаю, что я просто бы не понял вопроса. Столько всего вместились в эти мгновения, что мне казалось, что за это время я прожил ещё одну удивительную жизнь, целиком связанную с морем.

И теперь, глядя в морскую даль, я уже никогда не буду просто сторонним наблюдателем, следящим за дальними кораблями и играми дельфинов, а буду неотъемлемой частью этой изменчивой голубой бездны, пока не погаснет в моей душе тот взгляд наяды, который соединил меня золотой солнечной дорожкой с морем.

Море на книжной полке

Вслушиваясь в шум морской раковины, я всегда представляю себя бредущим вдоль каменистого берега, по мокрой гальке, среди набегающих зеленоватых волн,пряного дыхания моря и летающей по воздуху горьковатой пены. Причудливое жилище моллюска, оказавшееся на моей книжной полке, по праву нашло там свое место, поскольку, как и мои любимые книги рассказывает мне о море, мечте, чаемом и несбывшемся. Призрачная реальность, вырастающая из этого шума, значительно явственней утомительного бытового однообразия и докучливого общения; более осязаема и гораздо достовернее, нежели любой пейзаж за окном.

Человека, подчас, пугает открывающаяся перед ним стихия. Помнится, как однажды, глубоко и страшно поразило меня расчистившееся от низких облаков небо – синее, равнодушное, источающее прожигающий насквозь холодный свет космоса. Это гнетущее состояние собственной малости, случайности, абсолютной незащитности, пронзило меня молнией сознания – я ощутил себя доисторическим человеком, впервые пришедшим к мысли о спасающем божестве.

Море из раковины – тоже стихия, едва ли не большая, ибо вмещает и нас, а именно потому и не может быть нам враждебна. Я часто думаю, каким бы было оно, мое море, если бы я его никогда не видел, если бы долгие годы не жил рядом. Море – мой философский камень, превращающий в золото все соприкасающееся с ним, но находящееся вне времени. Я помню его и в зеленом обрамлении кипарисов, и в строгой оправе желтоватых прибрежных скал; даже не нужно закрывать глаза, чтобы увидеть, как мерцает миллиардами искр и бликов его разноцветная поверхность, как играет на солнце каждый камешек на его берегу. Здесь вокруг всё пропитано солнцем: и бежевая дымка, и серебристый ручей с гор. Луга золотятся солнечной росой, и ослепительно горят горы. Шелестящее морское эхо будит мои прежние впечатления, и они плещут и переливаются, словно волны тысячами тысяч искорок памяти.

Очень сложно объяснить устойчивость некоторых впечатлений, которые тянутся через всю жизнь, обогащаются деталями и разнообразными оттенками. Вот длинная белая стена, бегущая вдоль выбеленной зноем дороги. Радостно и легко идти по горячим пыльным каменным плитам на зов неведомого, к влекущей неизвестности. А справа нависает стена, заключившая меня между собой и морем. Стена-оберег от черных скоплений коробок домов и машин, от смрадного воздуха городов. А здесь, по эту сторону стены, только море и заманчивые горизонты, с воздушными замками из облаков...

Вот ночные корабли, стоящие у пирсов, в мареве иллюминаций, пришедшие из какой-то другой, сказочной жизни и наутро уходящие туда же. Длятся секунды, минуты, наваждение не исчезает, – звенят цепи, хлупает вода, воздух наполнен какими-то скрипами, приглушенными голосами и музыкой, мелодию которой невозможно запомнить.

А вот, как бессловесная притча о тленности всех сокровищ, светится матовой зеленью тяжелая медная монета, выброшенная морем на прибрежную гальку. Ее поверхность утратила все надписи, все нанесенные изображения – к суетному обличью монеты прикоснулась бездна, преобразив ее сущность. И она снова вернулась в мир напоминанием об истинном богатстве, скрытом в глубине нашей души. Не раз я пытался всё это изобразить на холсте, но что-то неуловимо важное все-таки оставалось невысказанным. Но часто случалось и другое: неожиданно в мою работу врвался ветер с моря, с его соленой свежестью, чистотой прозрачного утра. Сразу вспыхивали света, зацветали тени, краски начинали гореть ярче, и всё вокруг пропитывалось солнцем.

Море мне навсегда подарило ощущение тайны. Сделало меня суеверным, научило относиться ко всему вокруг как к живому, наделенному скрытым от людей смыслом. Ведь только проникая в него можно постигать окружающее, отображая его на холсте. Прислушайтесь, и вы услышите, о чем говорит море. Для каждого из нас у него свои слова, своя музыка,

свои миражи. Стоит только отвлечься от сиюминутного, как перед нашим мысленным взором вырастают руины затопленных городов, темные, такие непохожие на земные подводные хребты и горы, тянутся к солнцу колючие ветви кораллов... И совсем рядом, под километровой толщей воды колыхается густой ил, светятся диковинные морские животные, и врастают в дно остовы погибших кораблей. Есть вещи, невыразимые в словах, неотображаемые на холсте, неперево-димые в музыку. Всегда что-то остается в их остатке, и в этом «что-то» заключена сама их суть. Так и мое воображаемое море – многомерное и непознаваемое, хотя и бесконечно близкое – серебрится ускользающими впечатлениями, скорее их тенями, которые невозможно удержать, полюбоваться ими. Может быть потому, так манящи все эти возникающие на мгновение фан-томы. Эти высокие голоса морских птиц, рокот набегающих волн и шорох уходящих, гудение ветра и глухие, неведь откуда приходящие, пульсирующие звуки моря. Под аккомпанемент этой природной симфонии, калейдоскопическую смену морских пейзажей, освобождаешься от всего случайного, обременительного, от гнетущего тревожного беспокойства, словно морская бездна прикоснулась и к тебе, подарив частицу своего величия и силы.

А, может быть, вновь возвращаешься к себе, к своему вечному и неизменному «я»...

Эхо

Мелодия вчерашнего вечера, словно дальнее эхо, то возникала отдельными тактами, теряясь во множестве иных звучаний, то вовсе переставала быть звуком, воплощаясь в краске, мелькании, запахе. Пожалуй, она была не просто музыкой, её ноты хранили в себе и усталые переливы прибоя, и чуть слышное гудение проходящих мимо кораблей, и низкие звоны цепей на бетонных пирсах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.